
Яна Юматова
БЫВШИЕ.
Я тебя верну!

Яна Юматова

Бывшие. Я тебя верну!

https://litres.ru/74708318
SelfPub; 2026

Аннотация

— Викусь! — голос у мамы какой-то взвинченный. — К нам тут гость пожаловал столичный

— Какой гость?

— Хлыщ твой московский. Сказал, что про Соню знает

***

6 лет назад я узнала, что сказки про Золушку – это всего лишь сказки. Я только выдохнула, а он снова в моей жизни. Зачем? Чтобы отобрать у меня самое дорогое?...

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 22
Глава 5 27
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Яна Юматова
Бывшие. Я тебя верну!

Глава 1

Вика

— Спокойно, спокойно, хороший мой. Сейчас всё сделаем.

Ротвейлер на столе размером с небольшого телёнка и смотрит на меня так, как будто прикидывает, с какой части начать меня есть. Под лоснящейся шкурой ходят мышцы. Хозяин — такой же квадратный мужик в спортивном костюме — нерешительно стоит у двери и явно жалеет, что вошел в процедурку вместе с питомцем.

— Может, вы это, намордник? — подаёт он голос. — Он у меня кусачий, доктор. Чужих не любит.

— Чужих никто не жалует, — бормочу себе под нос и кладу ладонь псу на холку. — А ну смотри на меня, красавец. Вот так.

Ротвейлер косит глазом, утробно ворчит, но терпит, пока я ввожу иглу. Лапа у него располосована — гулял без поводка, напоролся на железяку, как всегда. Аккуратно зашиваю псину, а сама вполголоса несу ему всякую чушь про то, какой он молодец и герой. Животные не понимают слов, они

понимают тон.

— Готово. Швы снимем через десять дней. Гулять на поводке, на перевязку каждый день приходите..

— А он не помрёт? — пугается хозяин.

— От такой царапины? Он вас переживёт. И меня заодно.

Мужик уходит, взвалив своего волкодава на руки, как мешок с драгоценной картошкой, хотя тот вполне способен доковылять сам. А я стягиваю перчатки и наконец выдыхаю. Часы над дверью показывают полвторого. С восьми утра на ногах, во рту ни крошки не было, и впереди ещё полдня. Обычный вторник.

— Маааам, а можно я моложеное съем? Леночка обещала сходить со мной в лалек, — в дверную щель показывается один глаз Сони. Ясно, что она скормила свою котлету рыжему коту-приблудышу, а сама теперь за сладости возьмется.

— Виктория Андреевна, там кот с мочекаменной и кошка на стерилизацию, — не дает мне ответить Леночка, наша администратор.

— Кота давай первого, — киваю я. – Лена, ты опять Соньке мороженое обещала?

— Эээ…— Лена краснеет и поправляет очки, которые носит исключительно для того, чтобы казаться старше своих двадцати лет. — Она котлету свою съела. И огурцы с гречкой. Все по правилам.

— Да-да! По плавилам! – энергично кивает дочка, отчего светлые вихры неровной челки, которую она вчера обрезала

сама канцелярскими ножницами, падают на глаза.

— Ладно. Но только одно мороженое! – разрешаю я.

— И вам мама звонила, два раза. Просила перезвонить, как освободитесь, – добавляет Леночка, и они с Соней уходят в регистратуру.

Мама звонит по расписанию — вечером, когда подоит Люську и переделает дела. Два звонка среди дня — это из ряда вон.

Но кот с мочекаменной ждать не может, и я снова погружаюсь в работу. К четырём наступает просвет. Сажусь на подоконник в ординаторской, разворачиваю холодный бутерброд, который мне Леночка принесла еще утром,и набираю маму.

— Викусь! — голос у мамы какой-то взвинченный. — Ну наконец-то! Я тебе с обеда звоню!

— Что случилось? Давление?

— С давлением все хорошо, — мама делает паузу, и от этой паузы у меня кусок встаёт поперёк горла. — Тут другое, дочка. К нам тут гость пожаловал столичный…

— Какой гость?

— Хлыщ твой московский.

Меня будто окатывает ледяной водой с головы до ног.

— Не может быть… — пока произношу это, в голове успевает пронестись примерно миллион вопросов “как” и “почему”.

— Еще как может! — взрывается она. — Чернов твой за-

явился, ясно солнышко, на машинище своей чёрной, в костюмчике пижонском, как всегда. Викторию ему, видите ли, подавай! Я ему: нету тут никакой Виктории, обознался, мил человек. А он зыркает, как волк, и не уходит.

Бутерброд летит в урну. Я уже стою, хотя не помню, как встала.

— И что ты ему сказала?

— А что я ему сказала! Что замужем ты давно и счастлива, и нечего тут приезжать, дорогу нам портить своими колесами. Люську на него спустила, она ему машину помяла, — в мамином голосе на секунду проскакивает мстительное удовольствие, но тут же гаснет. — А я вилами постращала. Хотела еще Василия позвать на подмогу, но не пришлось. Уехал он, Викусь. Но визитку оставил, паразит. И сказал… — она запинается.

— Что сказал.

— Сказал, что знает про Соню...

Ноги вмиг становятся ватными. Опираюсь рукой о подоконник, чтобы не грохнуться. А мне никак нельзя валяться в отключке и страдать, мне некогда! Меня мои пушистые и лохматые пациенты ждут!

И вообще, я все, что было связано с Евгением Черновым, похоронила в себе и заколотила досками.

Ну откуда он взялся?!

— Как он узнал? — выговариваю я, и голос звучит чужим. — Мам, откуда он мог узнать про Соню?

— А я почём знаю! — мама опять заводится, но я слышу за её злостью страх, такой же, как у меня. — Сама в шоке сижу. Столько лет ни слуху ни духу, а тут на тебе. Викусь, ты только не вздумай с ним связываться, слышишь? Этот род… — она понижает голос. — Сама знаешь, что это за люди. Мать его – ведьма проклятая. А он не лучше. Он же тогда…

— Я помню, мам, что он тогда, — обрываю я резче, чем хотела.

Я помню всё до последней секунды, хоть шесть лет старательно делаю вид, что забыла. Помню квартиру в центре и шум воды в ванной. Помню девушку в шёлковом халате на голое тело, с растрёпанными волосами, которая вышла мне навстречу из его спальни и смотрела на меня таким взглядом, будто я мусор, который занесло сквозняком. Помню, как у меня подкосились ноги, и как я не стала ничего ждать, а развернулась и побежала вниз по лестнице, считая ступеньки сквозь слёзы, чтобы только не разреветься в голос.

И конверт помню. Который мне совала его мать после того, как рассказала про болезнь. Про то, что все женщины в роду Черновых умирают от генетической болезни. Что если я не дура, то никогда не рожу от её сына и исчезну по-хорошему. А там, в конверте, было «по-хорошему» — толстая такая пачка, на новую жизнь.

Конверт я ей в лицо швырнула. И сбежала, потому что после той женщины в халате уже было всё равно, врёт Стелла Юрьевна или нет. Если он живёт с другой — значит, я ему

никто. Значит, и говорить не о чем.

А через три недели я узнала, что беременна.

— Викусь? Ты там живая? — голос мамы возвращает меня обратно.

— Живая, мам.

— Что делать-то будем?

Хороший вопрос. Я смотрю в окно ординаторской — обычный московский двор, голуби на проводах, мусорные баки. Где-то в этом городе сейчас разъезжает на своей дорогой тачке Евгений Чернов и знает, что у него есть дочь. Дочь, которую он ни разу не видел, но почему-то вдруг решил, что она ему нужна.

Моя Сонечка... Светлая макушка, щербатая улыбка, вечно ободранные коленки. Она лечит дворовых котов и бабушкиных кур в деревне и на полном серьёзе зовёт себя «дохтур». Она — всё, что у меня есть. И будь я проклята, если позволю кому-нибудь из этой семейки даже дышать в её сторону.

— Ничего не будем, — говорю я твёрдо. — Он нас не найдёт. Москва большая. А ты ему, если ещё раз припрётся, ничего не говори. И визитку его выкинь.

— Уже Люське под копыта бросила, — фыркает мама, и я невольно улыбаюсь сквозь весь этот ужас.

— Вот и правильно. Всё, мам, меня кошка ждёт. Мы с Сонькой на выходные приедем.

Кладу трубку и ещё минуту стою у окна, прижав телефон к груди. Руки чуть дрожат. Уговариваю себя, что всё под кон-

тролем, что это случайность, что он поищет и отстанет.

Сама в это не верю.

Потому что я хорошо помню Евгения Чернова: если он чего-то захотел, не отступает никогда.

— Виктория Андреевна! — снова Леночка в дверях. — Кошечка готова.

— Иду.

Натягиваю перчатки. Руки уже не дрожат — нельзя, чтобы дрожали, на столе живое существо. Захожу в операционную, и весь страх я заталкиваю поглубже.

Работа не ждёт. А я давно научилась жить, не чувствуя.

Глава 2

Женя

Сам не помню, как я добираюсь до деревни, в которой не был больше шести лет. Четыреста километров пролетают, как один, а в висках у меня стучит одно слово – дочка.

У меня есть дочка! Где-то впереди, за этими полями и перелесками, растёт девочка, которую я ни разу не видел и не обнимал.

Потому что я придурок.

Признание матери до сих пор стоит в ушах.

— Дёшево я откупилась от бракованного потомства, — её собственный голос, прежний, царственный, всплывает у меня в памяти из совсем другого дня. Шесть лет назад она положила передо мной квитанцию о переводе и рассказала об “удачной сделке”.

Перевод на счёт Соломенцевой Виктории Андреевны. Один миллион рублей.

Я смотрел тогда на эту бумажку и чувствовал, как во мне что-то остывает. Вот, значит, какая ей цена. Вот, значит, кем она была всё это время — девочкой из деревни, которая дождалась удобного момента и взяла своё. Оскорблённое до самого дна самолюбие нашёптывало мне эту версию, и я схавал ложь матери и не подавился.

У меня имелись все возможности, чтобы найти Вику —

служба безопасности, связи, деньги, которые открывают любые двери. Вычислить, куда уехала деревенская девчонка, мне ничего не стоило.

Но я не сделал ничего.

Вот что жжёт сильнее всего. Куда легче считать себя обманутым, чем брошенным, и я выбрал быть обманутым, потому что у обманутого хотя бы остаётся гордость. Налил виски, сказал себе, что в моей жизни больше нет никакой Вики. Закрыл вопрос, как закрывают неудачный контракт.

Пальцы на руле белеют, и я заставляю себя ослабить хватку. Какой же дурак!

Навигатор бесстрастно сообщает, что через восемьсот метров поворот. Асфальт под колёсами обрывается, начинается грунтовка, и дорогой внедорожник тут же зарывается в рыжую пыль. По обочинам стеной встаёт борщевик выше человеческого роста, за ним проступают покосившиеся заборы и крыши с покосившимися антеннами. Дубовка.

Место это я знаю. Эту дорогу к лесу, и эти заборы, и синюю калитку посреди сиреневого забора в самом конце улицы я узнаю задолго до того, как навигатор объявляет, что я прибыл. За этим забором я ел пироги с капустой и пил парное молоко, а Вика умирала со смеху, глядя на мою городскую брезгливую физиономию.

Здесь, на веранде, в шкафчике, может статься, до сих пор лежат мои брендовые шмотки, которые в Дубовке были абсолютно не нужны. Помню, в первый же приезд меня так по-

кусали местные комары, что у меня все лицо и ноги были в красных шишках. Тетя Валя тогда достала штаны Викиного отца и вручила мне, чтобы я сменил свои шорты от Гуччи на длинные брюки. А Вика потом всю ночь мне примочки делала, потому что у меня реально вся рожа опухла от этих зверюг.

Глушу мотор, открываю дверь — и в ту же секунду из-за калитки на меня боевым снарядом вылетает коза.

Белая, с рыжими подпалинами и бородой ветхозаветного пророка, она с разбегу впечатывается лбом в дверцу, отскакивает и заходит на новый круг с явным намерением довершить начатое. Я едва успеваю втянуть ногу обратно в салон.

— Тихо, тихо! Ты чего, рогатая? — выставляю ладонь, чувствуя себя при этом феерическим идиотом.

Коза в ответ поднимается на задние ноги, упирается копытами в сверкающий борт и с упоением принимается жевать боковое зеркало.

— Люська! — гремит из глубины двора знакомый зычный голос. — Люська, зараза, ты куды намылилась?

Калитка распахивается, и навстречу выкатывается тётя Валя — в том же платке, в тех же резиновых сапогах, разве что поседела да раздалась в плечах. В руках у неё, я не сразу верю глазам, вилы. Самые настоящие, отполированные земляной работой до блеска. Она смотрит на меня, и я вижу, как узнавание накрывает её мгновенно, а следом лицо твердеет от ненависти.

— Ты, — выдыхает она и наставляет вилы не на козу, а на меня. — Явился.

— Здравствуйте, Валентина Петровна, — поднимаю обе руки, отступая к машине. — Я к Вике.

— Нету для тебя тут никакой Вики! — Голос у неё тяжёлый, без капли той теплоты, с которой она когда-то накладывала мне вторую тарелку, приговаривая, что городские все худющие. — Думала, не доживу до сраму такого, чтоб ты опять у моего порога торчал.

— Я знаю, что виноват, — начинаю было, но она не даёт.

— Он знает! — Вилы дёргаются вперёд на пару сантиметров. — Поздновато понял, голубчик. Замужем Вика. И счастливо со своим мужем живет! Душа в душу! А ты разворачивай таратайку и кати в свою Москву. Один раз девке жизнь под корень срубил, второго раза я тебе не дам.

Замужем. Внутри обрывается и катится вниз, но я отбрасываю эту мысль на лету.

— Валентина Петровна, я вас не первый день знаю, — отвечаю тихо. — Врать вы никогда не умели, вот и сейчас не выходит.

Она бледнеет, и это бледность человека, которого поймали. Вилы в её руках на миг замирают.

— Где Вика? — спрашиваю мягче. — Я не уеду, пока не увижу её. И дочку.

— Нету их! — Голос у тёти Вали срывается, и за злостью в нём ясно звенит страх. — В городе живут! Вика с мужем!

И дочка с ними! Сказано тебе — вон со двора!

Она делает короткий выпад вилами, скорее для острастки, и я отступаю. За её спиной двор стоит пустой — ни детского голоса, ни шагов, только куры роются в пыли да Люська с философским видом дожёвывает то, что осталось от моего зеркала. Их и правда сейчас здесь нет, и от этого внутри делается почти больно — я уже приготовился увидеть.

Достаю из кармана визитку и кладу её на столбик у калитки.

— Хорошо, я уеду, — соглашаюсь. — Но я вернусь, Валентина Петровна. И передайте Вике, что я всё знаю про дочь. И что в этот раз никуда не денусь.

Тётя Валя молчит, и вилы в её руках медленно опускаются к земле. Что-то в её лице на секунду надламывается — не злость, а застарелая, выношенная боль, и я понимаю, что эта женщина все все это время ненавидела меня за свою дочь и за внучку, которая росла без отца. Имеет полное право.

Сажусь за руль, разворачиваюсь на узкой улице под бдительным надзором козы и выезжаю обратно на грунтовку, а в треснувшем зеркале ещё долго маячит фигура у синей калитки, пока пыль не съедает её целиком. Замужем, счастливая, дочка от мужа — складно она всё это выложила, да только я слишком хорошо знаю эту женщину, чтобы поверить хоть слову. Так врут не от уверенности, а от страха, и за этим страхом всегда прячут что-то, что боятся отдать. В груди впервые за весь этот сумасшедший день отпускает. Пусть

прячут, пусть Вика хоть на край земли уедет со своей упрямостью. Я однажды уже позволил себе её потерять и теперь не отступлю, чего бы мне это ни стоило.

Глава 3

Женя

Про Соню я знаю уже сутки.

Безопасники уже прислали мне информацию: Соломенцева Виктория Андреевна, ветеринар, снимает квартиру по адресу такому-то, не замужем и никогда не была. И дочь — Соня, пять лет. Тётя Валя, выходит, врала мне про мужа с таким жаром, что я почти залюбовался. Одного мне не выдали — как Соня выглядит. Фотографию обещали к вечеру, застряли где-то в своих базах.

Заезжаю в торговый центр забрать книжки, которые брат заказал для своей дочки Машеньки. Стою у кассы в детском отделе, жду, пока пробьют, и думаю о Вике. О том, как подобраться к женщине, чья мать встречает меня вилами и ледяным презрением лично. Деньгами тут не возьмёшь, силой тем более. А по-другому я, если честно, никогда толком и не умел.

Выходя, замечаю у фонтана в центре холла плачущую девчонку.

Стоит одна, вцепилась в стойку с буклетами и плачет так горько, что на неё уже начинают оглядываться. Светлые волосы, чёлка обрезана вкривь, будто своими руками. Коленки в ссадинах. Люди обтекают её и идут мимо, и меня это почему-то злит — как можно пройти мимо плачущего ребёнка.

Сворачиваю к ней.

— Ты чего разревелась? Потерялась?

Присаживаюсь на корточки, чтоб не пугать её ростом. Девчонка поднимает на меня зарёванную мордашку, и я вижу голубые глаза в мокрых ресницах.

— Я маму потеляла, — икает она. — Она клоссовки покупала, а я лыбку в окошке смотлеть пошла. А тепель мамы не-е-ету!

— Ну, реветь-то зачем, — достаю платок, промакиваю ей щёки, и она послушно замирает, задрав лицо. — Найдём мы твою маму. Пойдём к тёте на стойку, она в микрофон объявит, мама услышит и придёт. Согласна?

— Согласна, — вздыхает девчонка и сама суёт мне в ладонь свою маленькую теплую ручку.

Веду её через зал, укорачивая шаг под её мелкую рысцу. Девушка-администратор ахает над потеряшкой, берёт микрофон.

— Как зовут тебя, лапочка?

— Соня.

Администраторша объявляет на весь центр, что потерялась девочка Соня, а потом снова наклоняется:

— А маму как звать, знаешь? Полностью, чтоб мы правильно позвали.

— Соломенцева Виктолия Андлеевна, — выговаривает Соня с гордостью человека, которому доверили государственную тайну. — Она животных лечит. Велетелинал.

Меня будто окатывает разом и жаром, и холодом. Знал ведь. Со вчерашнего вечера знал, что у меня есть дочь, ехал сюда с этим знанием, ворочал его в голове всю ночь. А одно дело знать, и совсем другое — держать за руку. Разглядываю её заново, жадно. Волосы Викины, светлые. А глаза наши, черновские, голубые, которые в нашей породе достаются через одного. Мне достались. И ей.

Стою и не могу выпустить эту ладошку. Ничего от меня в жизни не зависело так, как сейчас зависит, чтобы эта девочка меня не испугалась.

— Мама! — Соня вырывает руку и стрелой несётся мимо меня.

Оборачиваюсь. Вика.

Шесть лет, а меня качает, будто и не было их вовсе. Она подхватывает дочь на руки, тискает так, что та возмущённо пищит, зарывается лицом в светлые волосы. И только после этого поверх Сониной макушки замечает меня. Улыбку с её лица как рукой снимает.

— Вика.

Одно её имя, а я будто пробую воздух после долгой болезни. Она опускает Соню на пол и заводит за спину — привычным движением, каким матери прячут детей от беды.

— Ну надо же, какая встреча, — ее тоном можно морозить продукты. — Тесен мир. Или у тебя теперь новое увлечение — по универмагам чужих детей караулить?

— Ты понимаешь, что это не случайность, — отвечаю ти-

хо и смотрю не на неё, а на девочку, которая с любопытством высунулась сбоку.

— Отчего же, понимаю. Ты меня выследил, подождал, пока отвернусь, и подстроил маленькое приключение с потеряшкой. Ты и раньше был мастер устроить представление, лишь бы вышло по-твоему.

Про представление она бьёт наугад, а попадает так, что впору поморщиться. Знала бы, кто и какое представление разыграл когда-то перед ней самой.

— Я нашёл её у фонтана в слезах, — говорю, как есть. — Отвёл к администратору. И только.

— Какое рыцарство. Тебе орден выписать или спасибом обойдёшься?

— Мам, а этот дядя тебя знает? — Соня тянет мать за рукав, разглядывая меня в открытую, без тени смущения. — Он холоший по-мойну.

Вика меняется в лице. Страх у неё в глазах настоящий, неподдельный, и я понимаю, что она уже всё сложила — что теперь я не отступлюсь.

— Нам пора, — она берет Соню за руку.

— Вика, погоди. — Делаю шаг следом. — Надо поговорить.

Она оглядывается через плечо, и лёд на секунду сходит с её лица, и под ним я вижу всё разом — обиду, злость, усталость этих шести лет, которые она вытянула одна, с моим ребёнком на руках.

— Не о чем нам говорить, Евгений Викторович. Шесть лет не о чем было, и теперь не о чем. — Ни трещинки в голосе, и меня это добивает вернее любого крика. — А сейчас извини. Дочь ждёт мороженое, а не знакомство с призраками из моей прошлой жизни.

Она ведёт Соню к эскалатору, и я стою истуканом, не в силах шагнуть. Девочка на прощание оборачивается и машет мне пятернёй:

— До свиданья, доблый дядя!

Поднимаю руку в ответ, и в горле встаёт ком. Смотрю, как их уносит вверх, как светлая макушка ныряет за перила и пропадает.

Достаю телефон и набираю брата.

— Ром, я её видел. И дочку тоже, — голос садится, и я откашливаюсь. — Ей пять лет,и она вылитая Вика, только глаза мои.

Брат на том конце молчит, а потом хмыкает — устало и понимающе, как человек, который сам недавно прошёл через это.

— Завоёвывай, Жек, — говорит он. — Только по-человечески на этот раз. Не деньгами.

Убираю телефон. По-человечески. Легко ему советовать — он-то умеет. А я всю жизнь решал вопросы одним способом, и вот к чему это привело: женщина, которую я люблю, уходит от меня с нашей дочерью за руку и даже не оборачивается. Значит, придётся учиться заново.

Глава 4

Вика

Вторник у нас с Соней священный — танцы. Она пропадает в зале с зеркальными стенами целый час, топоча в чешках и путая право с лево, а я сижу на банкетке в коридоре среди других мамочек. Обычно это моя единственная передышка за день. Но сегодня передышки не выходит: дергаюсь,как на иголках, до и дело поглядываю в окно на улицу в ожидании чёрной машины. Интуиция орет, что Чернов уже землю роет, чтобы найти нас.

Кое-как успокаиваюсь к концу занятия. Вывожу раскарневшуюся счастливую дочку на крыльцо студии — елки-иголки, вот она, черная машина! Стоит через дорогу в тени тополей, а рядом, привалившись к капоту, стоит Чернов. Рукава рубашки закатаны, пиджака нет — жара даже его заставила выглядеть по-человечески.

Разворачиваюсь и тяну Соню обратно в помещение, но поздно.

— О! Доблый дядя! — дочка выдёргивает ладонь и машет ему обеими руками, будто родному. — Мам, это тот дядя из магазина, котолый меня нашёл!

Чернов отталкивается от машины и переходит дорогу к нам. Соня задирает голову, разглядывая его снизу вверх без тени робости.

— Здравствуй, Соня, — говорит он ей серьёзно, как взрослой. — Как сегодня танцы? Повеселилась?

— Ага! Мы сегодня выучили новое движение! — Она тут же пускается в пляс прямо на крыльце. — А ты знаешь, что такое левел-ланс?

— Реверанс, — машинально поправляю я и осекаюсь. Не надо было втягиваться.

— Ага, он! — Соня деловито кивает. — Это когда так вот юбочку делжишь и садишься. Смотли: леве-л-л-ранс. Ой! Мам! У меня буква лл получилась! — она замирает с круглыми от восторга глазами. — Ой, не получилась. Леве-рр-анс! Полу-чи-лась! Мам, слышала? Рр!

— Слышала, солнце, молодец, — не выдерживаю и улыбаюсь, а внутри скребёт, потому что она такая счастливая от одной пойманной буквы, и этим счастьем щедро делится с чужим, в сущности, человеком.

— Реверанс — штука серьёзная, — кивает Чернов Соне с таким уважением, будто она ему квартальный отчёт сдаёт. — А покажешь, как ты его делаешь? Я вот не умею. Меня в детстве танцам не учили.

— Совсем-совсем? — Соня смотрит на него с состраданием, как на сироту. — Ладно, смотли! — И выдаёт свой кособокий и уморительный реверанс, придерживая подол сарафана.

— Идеально, — оценивает он без тени насмешки, и Соня раздувается от гордости.

А я стою и понимаю, что проигрываю битву, в которой применяют внимание вместо оружия. Я все гнала от сбя мысли, что Соне не хватает отцовской заботы, но сейчас, видя счастливые глаза дочки, отрицать больше не могу этого.

— Нам пора, — вклиниваюсь я. — Соня не ужинала.

— Тут как раз недалеко открылось хорошее кафе, — тут же подхватывает Чернов, и я готова его убить за эту скорость. — Кормят по-домашнему, супчики есть и второе. Там видел в меня мясных ежиков даже. Может, зайдём?

— Мам, мамочка, ну пожа-а-алуйста! — Соня хватает меня за руку и трясёт так, что я боюсь за свою кисть. — Я так танцевала, я голодная, как волк!

Закатываю глаза к белёсому от жары небу. Ну спасибо тебе, Чернов. Ювелирная работа.

— Ладно, — цежу я. — Полчаса. И всё.

Соня визжит от восторга и скачет перед крыльцом, а я понижаю голос до шипения, чтобы дочь не услышала.

— Ты хоть понимаешь, что делаешь? Через ребёнка ко мне подбираешься? Это запрещённый приём, и ты это знаешь.

— Знаю, — соглашается он, не моргнув, и смотрит на меня сверху вниз своими проклятыми голубыми глазами. — Но ты не оставила выбора.

— Не смей ею манипулировать. — Отпускаю его руку, будто обожглась. — Она ребёнок. Соня не понимает, кто ты. Не заставляй ее к тебе привязываться, если собираешься ис-

чезнуть.

— Я не наиграюсь, Вика. — Он произносит это тихо и так ровно, что меня продирает мороз. — И никуда не денусь. Вот этого ты пока не понимаешь.

Кафе изнутри — сплошь воздушные шары и визг детей, но моя дочь замирает на пороге, как перед вратами рая. Чернов придерживает перед ней дверь, и Соня прошмыгивает внутрь с королевским достоинством, отработанным на танцах.

Сажусь напротив них двоих, и от этой картины — светлая макушка дочери и тёмная голова человека, которого я шесть лет ненавидела, склонённые над одним меню, — внутри что-то ноет так, что хоть плачь. Соня уже тычет пальцем в картинки и требует куриный суп с фигурными макаронами, а следом непременно запеканку.

— А тебе, Вика? — Он поднимает на меня глаза. — Кофе? Ты раньше без него по утрам не человек была.

То, что он помнит эту ерунду про меня, злит сильнее всего остального.

— Ничего, — отрезаю я. — Мы, повторяю, на полчаса.

— Интелесно, Ксюша уже соскучилась по мне? ой, мы же шалаш не доделали! Вдруг его дядь Вася разбререт? – Соня закрывает рот ладошками.

— А шалаш из чего строите? – включается Женя.

— Из веток и палок! — Соня облизывает ложку. — Только клыша пловаливается. А ещё у бабули коза Люська, она

бодучая-пребодучая. Меня один лаз так боднула, что я в клапиву упала!

— В крапиву — это серьёзно, — качает он головой.

— Ага. А ещё я кул лечу. Они болеют, а я их лечу, как мама своих звелят. Айболиткой буду я, когда выласту!

— Это очень серьезное намерение! – одобрительно кивает Чернов.

А я с ужасом ловлю себя на том, что моей девочке хорошо. Что она распускается под этим вниманием, как цветок под солнцем, которого ей всю жизнь недоставало.

А самое скверное — что человек напротив, которого я привыкла считать чудовищем, глядит на мою дочь так, что у меня трещит по швам вся выстроенная за шесть лет броня.

Нет уж. Не выйдет. Я слишком хорошо помню, чем заканчиваются нежные взгляды Черновых.

— Соня, доедай, — тороплю я. — Нам домой.

— Ну ещё чуть-чуть, — канючит она, вымазанная запеканкой до ушей.

— Маму нужно слушать, Сонь, — неожиданно поддерживает меня Чернов, и Соня, вздохнув, покорно берётся за ложку.

Внутри полыхает злость и раздражение на Чернова! Вот так хитрый лис! Знает ведь6 как втереться в доверие!

Смотрю, как он помогает Соне вытереть салфеткой перепачканный нос, как она доверчиво подставляет лицо, и понимаю, что дела мои плохи.

Глава 5

Женя

Третий день ломаю голову и безуспешно упираюсь в глухую стену по имени Виктория Соломенцева.

Сижу у Ромы в кабинете, гоняю по столу пустую чашку и жду, пока брат закончит совещание. Раньше это я раздавал ему советы — по бизнесу, по бабам, по жизни. А теперь пришёл сам, с протянутой рукой, и от этого тошно.

— Ну излагай, стратег, — Рома садится напротив. — На тебе лица нет.

Рассказываю всё. Про торговый центр, про Соню с её реверансом, про кафе, про то, как Вика шипела на меня за запрещённые приёмы. Про то, что стоит мне приблизиться — и она захлопывается, как створки ракушки.

— Не пойму я тебя, Жек, — качает головой брат. — Ты полжизни мне мозги вправлял, любую заваруху распутывал. А тут сам как школьник у первой парты. Что, разучился?

— С ней не работает ничего из того, что я умею, — признаюсь я. — Деньги ей не нужны, она их и тогда в лицо матери швырнула. Давить нельзя, только хуже сделаю. Просить бесполезно, она меня на порог не пустит. Тупик.

Рома молчит, барабанит пальцами по столу. Потом смотрит на меня так, как смотрел наш отец, когда собирался сказать что-то дельное.

— Слушай сюда. Если в лоб не выходит — не долби в лоб. Поменяй расклад так, чтобы ей самой пришлось к тебе обратиться. Не ты к ней, а она к тебе. Понял мысль?

Мысль я понял. И весь следующий день верчу её так и эдак, и чем дольше верчу, тем противнее мне от самого себя.

Способов-то навалом. Я мог бы одним звонком устроить, чтоб её попёрли из клиники, — и через неделю она сама прибежала бы просить помощи с работой. Мог бы подстроить, чтоб её колымага сдохла посреди дороги, и подвернуться рядом на белом коне. Мог бы перекупить квартиру, которую она снимает, и поставить перед фактом. Вариантов — на любой вкус.

И каждый из них — подлость.

Сижу вечером в кабинете, смотрю в окно на московские огни и вдруг ловлю себя на том, что восхищаюсь Викой.

Эта женщина вырастила нашу дочь одна без чьей-либо помощи — в съёмной квартире, мотаясь между городом и деревней. Закончила учебу и встала на ноги, несмотря ни на что. Соня сыта, обута, ходит на танцы, картавит своё «леверанс» и лечит бабкиных кур. У Вики всё получается. Она ни в чём и ни в ком не нуждается, и меньше всего — во мне.

И вот это, оказывается, и есть та самая стена, которую я никак не пробью. Не вредностью её взять, а тем, что ей просто ничего от меня не надо. Ломать её жизнь, чтобы она приползла за помощью, — значит расписаться, что я и вправду то чудовище, каким она меня считает.

Не стану. Хоть тресни.

Наутро я так ни до чего умного и не додумываюсь. Стратег, мать его. Холдинг ворочаю, а с одной упрямой девчонкой сладить не могу. И тогда делаю единственное, что приходит в голову, — то, что подсказывает не расчёт, а сердце.

Еду к племяннице за консультацией.

— Машунь, — присаживаюсь к ней на ковёр, где она расчёсывает свою армию кукол. — Мне нужен совет специалиста. Если девочке пять лет, какая кукла — самая-самая? Чтоб ахнула.

Машенька задумывается со всей серьёзностью эксперта и ведёт меня в детский магазин лично, потому что «дядя Женя всё равно ничего в этом не понимает». Там она безошибочно тычет пальцем в куклу, которая умеет петь, моргать и менять три наряда, и авторитетно заявляет, что вот от этой ни одна девчонка в мире не устоит.

Беру две – одну племяшке за помощь. А по дороге торможу у цветочного и покупаю все пионы, которые были в магазине. Вика любила именно их. Мы как-то шли с ней мимо рынка, и она уткнулась носом в такой букет и сказала, что это единственные цветы, которые пахнут детством и бабушкиным садом.

Стою потом у её двери с куклой под мышкой и с пионами наперевес и чувствую себя полным болваном. Сердце колотится, как перед советом директоров, где на кону всё. Мысленно я готов к тому, что Вика залепит мне букетом по фи-

зиономии. И будет права.

Хорошо, что она любит пионы, а не розы…

Жму на звонок.

Дверь распахивается, и на лице растрепанной Вики вместо ярости вспыхивает дикое, отчаянное облегчение.

— Слава богу! — восклицает она, втягивая в квартиру. — Заходи, скорее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.